

ключевых для русского национального сознания. Как определила Л. Буянова, «концепт "душа" как основная составная часть включен во все религии мира: представление о душе, дарованной Богом, о ее бессмертии является основой священного вероучения» [2]. В «Национальном корпусе русского языка» зафиксировано 27 контекстов из произведений Е. Замятина с ядерной лексемой *душа*. По наблюдению Л. Буяновой, душа в художественных текстах русских поэтов может вербализоваться как место; субстанция; ипостась личности; нечто живое, находящееся, подобно сердцу, внутри человека; внутреннее «я» автора. Как живая сущность, душа не только генерирует и отражает чувства, она и сама может их испытывать, функционально уподобляясь субъекту речи. Важнейшей единицей семантической структуры концепта душа является семема «живое» [2]. У Замятина душа предстает как живое существо, которое может болеть, притом неизлечимо: *Двухмерная тень. Неизлечимая душа. Не записывал несколько дней («Мы»); существо, которое ест: Душа генеральская хочет папшета, а брюхо уж по сих пор полно («На куличках»)*. В антиутопии «Мы» Замятин показывает опасность «лишения» души: — *Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась душа. Душа? Это странное, древнее, давно забытое слово («Мы»)*. Здесь концепт душа вербализуется как нечто материальное, имеющее начало и конец. Душа у Е. Замятина может представлять и как горючее вещество: *Душа горела — все дотошно разведать, как и что было у генерала с Маруськой этой Шмитовой («На куличках»)*. Нередко душа предстает как нечто живое, которое может двигаться внутри человека, выходить из него и возвращаться: *А у самой небось душа в пятки («Север»); По пути к пяткам душа остановилась в ногах.... («Икс»); Яков вышел, и только тогда в тело Александра III вернулась нежная женская душа... («Мученица науки»)*. Также душа может представлять собой ипостась личности: — *Вот спасибо, сердешный! Вот — святая душа! («Север»)*.

Таким образом, концепты человек, мужчина, женщина, душа в художественной прозе Е. И. Замятина находят как общеязыковую, так и весьма интересную индивидуально-авторскую реализацию.

Литература

1 Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. - М.: Наука, 1975.

2 Буянова Л. Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.relga.sfedu.ru/>

3 Национальный корпус русского языка - [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://search.ruscorpora.ru>

УДК 811.161.1:[81'37:94]:81'367.622

Е. И. Холявко

Радости ради: к семантической реконструкции древнего корня

Статья посвящена обоснованию генетической связи слов *радость, ради, радеть*. Семантическая реконструкция выполнена с привлечением философского, культурологического и психологического материала. Глубинная семантика корня, иллюстрирующая единство причинно-целевых отношений, способствует постижению сути концепта «радость».

Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад.

Русская пословица

Радость, по справедливым словам Г. Честертон, – «неуловимая материя» [1, с. 445]. Анализ соответствующего концепта выполнен Ю. С. Степановым [1, с. 445-454], который обращает внимание на «два, самых общих, признака «радости»: 1) это есть внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия, и 2) имя радо-

сти, т.е. само слово *радость*, в норме никогда не выступает в позиции подлежащего» [1, с. 446]. Ученый исчерпывающе формулирует внутреннюю форму концепта по отношению к субъекту следующим образом: «Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой, «заботы» кого-то обо мне (это причина; причина здесь может быть и «неведомой»), и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому (это – мотив, цель; как и причина, цель и ее объект – «другой, другое» могут быть также «неведомыми», лингвист сказал бы «референтно неопределенными», – «другое» здесь, по отношению к которому я проявляю готовность, – это сама жизнь)» [1, с. 453].

Кроме того, представляет несомненный интерес статья А. Б. Пеньковского, исследующего соотношение концептов «радость» и «удовольствие» [2, с. 148-155]. Он обращает внимание на то, что слова *радость* и *удовольствие* в лексикографических источниках толкуются посредством друг друга: *радость* – ‘чувство удовольствия, удовлетворения’; *удовольствие* – ‘чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний, мыслей’. Отношения семантического тождества могут сопровождаться градацией: *радость* – ‘чувство большого удовольствия, удовлетворения’ [2, с. 148]. А. Б. Пеньковский на основе анализа художественных текстов определяет различие одноименных концептов. Удовольствие – это не столько чувство, сколько положительная чувственная реакция на внешний стимул. Удовольствие «прежде всего и преимущественно чувственно-физиологическая реакция, тогда как РАДОСТЬ имеет более высокую чувственно-психическую природу. Толкуя *удовольствие* как ‘чувство радости’, а *радость* как ‘чувство удовольствия’, лексикографы должны были уточнить, что *удовольствие* – это радость тела, а *радость* – удовольствие души и духа» [2, с. 150].

«РАДОСТЬ по природе альтруистична. Именно поэтому возможна и нормальна *радость за другого*. *Удовольствие за другого* не получишь. Можно, разумеется, *радоваться про себя* (*тихая, скрытая радость*), но *высшая степень радости* достигается лишь тогда, когда она *разделяется* с другими. Показательно поэтому, что глагол *радоваться*, как и прилагательное *рад*, управляет дательным падежом имени, в котором значение каузатора эмоционального состояния совмещается со значением адресата: *радость возвращается* тому, кто является ее источником. Ср. также направительно-объектное значение винительного падежа в оборотах *радоваться* (*не нарадоваться на кого-либо*) и этимологическое значение ‘вокруг’ (‘окружать радостью’) в церковнославянском *радоватися о ком*» [2, с. 153-154]. Эти очень важные для понимания концептуальной семантики наблюдения А. Б. Пеньковского можно дополнить сведениями из объяснительного словаря синонимов: глагол *радоваться* обозначает «одну из фундаментальных эмоций, доступных не только человеку, но и всем высшим животным, и не только взрослым, но и очень маленьким детям. <...> Первичность, элементарность этой эмоции дает себя знать и в привычном сравнении *радоваться как ребенок*. <...> С другой стороны, *радоваться* – одна из важнейших человеческих эмоций, воспринимаемая, наряду с любовью, как фундаментальная жизненная ценность: *Человек рождается в мир, чтобы радоваться*. При этом разные типы людей в разной мере открыты для нее. В отличие от ликования и особенно торжества, она доступна преимущественно тем, кто способен видеть и находить в жизни светлые стороны.

Эту эмоцию способны вызвать любые положительно оцениваемые факторы. Можно *радоваться* победе в изнурительной войне и новому костюму, спасению детей и хорошей погоде. *Радуются* и тому, чего долго ждали, и случайному подарку судьбы, завершению своей работы и успехам другого человека <...> Наконец, *радоваться* можно без всякой конкретной или видимой причины – от ощущения физического здоровья, полноты жизни и т.п. *Радоваться*, таким образом, можно вполне бескорыстно и простодушно. Между тем *ликовать* и особенно *торжествовать* – более эгоистичные эмоции. <...> Хотя *радоваться* обозначает менее интенсивную эмоцию, чем *ликовать* она может быть гораздо более глубокой и поэтому более длительной. <...> Радости могут сопутствовать некоторые отрицательные

эмоции, такие, как (легкая) грусть. Однако в типичных ситуациях она сопровождается просветлением души, подъемом жизненных сил.

Радоваться обозначает чувство достаточно интимное и поэтому не требующее обязательного внешнего выражения; она совместима с глубоким внутренним покоем. Женщина, ждущая ребенка, может *тихо радоваться* при мысли о нем, но никак этого не показывать. Если же эта эмоция находит выход, то возможности ее внешнего проявления более разнообразны, чем у других эмоций этого ряда. Она может выражаться в двигательной активности, повышенной громкости речи, энергичной жестикуляции, легком румянце на лице, свете и блеске в глазах» [3, с. 912-913].

А. Б. Пеньковский, исследуя эмоциональные концепты, приходит к выводу, что «язык, занимая позицию высшей нравственности, запрещает нам рассматривать природный мир как созданный на потребу человеку в качестве источника его удовольствия. Он учит нас тому, что составляет одно из центральных положений христианского вероучения: мир создан и существует для всеобщей радости. РАДОСТЬ – одна из энергетических сил, которые образуют животворящую силу Святого Духа...» [2, с. 153].

Н. А. Дьячкова, анализируя концепт «радость» в православном дискурсе, приходит к важному заключению: концептуальным признаком, актуализирующимся в православно-христианском дискурсе, является обозначение не телесной, не чувственной, а умопостигаемой эмоции, внутреннего переживания. В православных текстах радость – это «эмоция, имеющая неземную, духовную природу, причем такая, источник которой всегда известен». Этим источником для христианина является Господь, который есть любовь, потому что «все от Него и Его любви». Н. А. Дьячкова в подтверждение приводит слова Антония Сурожского: «Блажен тот, кто познал, что ничего у него нет; даже то, что кажется его собственностью, – не его. Жизнь, тело, ум, сердце и все, чем богата наша жизнь, – все это от Бога. И если почувствовать совершенную нашу нищету, почувствовать, что ничего у нас нет, тогда вдруг хлынет в сердце такая несказанная радость: хотя нет этого у меня, хотя оно не мое, но – Господь дает!» [4, с. 165-179].

Для христиан радость основана на ощущении Божьего присутствия, об этом неоднократно свидетельствует Библия: «Ты укажешь мне путь жизни: полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15:11); «Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня» (Пс. 50: 14); «Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу – собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа!» (Еккл. 2:26); «Обретенны слова Твои, и я съел их; и было слово Твое мне в радость и в веселие сердца моего; ибо имя Твое наречено на мне, Господи Боже Саваоф» (Иер.15:16); «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин.15:11); «Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин.16:22); «Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна» (Ин.16:24); «Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим.14:17); «Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою» (Рим.15:13); «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Галл.5:22); «Радуйтесь всегда в Господи, и еще говорю: радуйтесь» (Флп. 4:4); «Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас пред Богом нашим» (1 Фес. 3:9); «Котораго не видевши любите, и Котораго доселе не видя, но веруя в Него, радуетесь радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою вашу спасения души» (1 Пет.1:8).

Нам представляется верным, что приведенная выше концептуальная семантика обусловлена глубинной семантикой базового корня. Семантическая реконструкция позволяет проследить путь воплощения потенциальных сем в составе архесемемы, направления семантического развития слова и движения мысли, явленной в слове.

Слово *радость* восходит к старославянскому языку, в церковнославянском языке русского извода фиксируется с XI века в следующих значениях: ‘чувство душевного удовлетворения, веселия’; ‘веселие, торжество’. Возможны были также варианты *радование*, *радоуци*, *радъство* [5, ст. 13-16]. В древнерусский период *радость* и *веселье* неразрывно связаны. Это объясняется книжным происхождением анализируемого слова. Оно возникает при переводе с греческого церковных книг, однако на славянской почве семантика его модифицируется. «В древнерусских текстах *радость* представлена как *благодать*, исходящая от Бога, что соответствует значениям слова *χάρις* ‘благоденствие, милость, счастье’; такая благодать дает здоровье и силу, а это и есть счастье» [6, с. 239]. Понятие о радости в греческих текстах исходит из представлений о здоровье и счастье, что вполне соответствует этимологическому значению корня *весел-* < **vesel-* < и.-е. **ues-* ‘жить, пребывать’, ‘нежиться, есть, пировать’. Значение ‘пир’ свойственно было еще старославянскому *веселие*. Поэтому первоначально лексемы *радость* и *веселие* взаимозаменяемы, хотя уже в «Изборнике» 1076 г. при переводе изречения Сираха находим: *н,сть веселия паче радости срьдъчньня*. В житийных текстах Епифания Премудрого значения сходные, но не тождественные [6, с. 239-243]. Семантика устойчивой к тому времени формулы *радость и веселие* характеризуется взаимной дополняемостью компонентов. У славянских авторов радость совмещается с весельем: радость – личное чувство, переживание, состояние, веселье – общее действо, процесс, доставляющий удовлетворение, поэтому со временем происходит закрепление соответствующих понятий за сакральной и профанной сферами соответственно. Это подчеркивается и морфемной структурой слов *радость* и *веселие*. Язык сохраняет именно эти варианты, оттесняя *радование* и *веселость* и разделяя семантику *радости* и *веселья*.

В. В. Колесов, проанализировав средневековые русские тексты, делает следующее заключение: «... веселый – это тот, кто получает заряд силы от энергии рода, радостно и добровольно соединившись с ним. Христианские писатели боролись с подобными проявлениями веселья, но не возбраняли тихой, заслуженной праведным житием радости» [6, с. 243]. И еще: «... личная радость осветляет общее веселье, субъективное переживание как бы входит в объективно данное веселье окружающих, вечно представленное праздничным разгулом. Радость, по мнению многих, есть некий лад магического поведения, имеющего целью вызвать желаемое в мгновенной его цельности, оживить замершее, вернуть ему целостность утраченного лица. Совершить, говоря иначе, доброе дело» [6, с. 330].

Эта мысль В. В. Колесова подтверждается этимологически, при исследовании внутренней формы корня *рад-*. В современном русском литературном языке *рад* используется в предикативной функции в значениях: ‘о состоянии особенной приподнятости, испытываемом кем-либо, связанной с оживлением (веселостью) и расположением к кому-либо или к чему-либо’; ‘доволен’; ‘счастлив’. Ю. Покорный возводит общеславянское **radъ* к и.-е. **rōd-* / **rēd-* ‘радостный’, ‘веселый’, ‘ободрять’, видя родство в англосакс. *rōt-* ‘радостный, веселый’; др.-исл. *rētask* ‘становиться веселым, ясным’ [7, с. 92-93]. Семантика древнего корня станет более понятной при привлечении фактов санскрита: *ratā* ‘радующийся, находящий радость в чем-либо’ от *ram*, *rāmate* ‘играть’, ‘радоваться’, ‘отдыхать’; *rāddhā* от *rādh*, *rādhyate* ‘расти’, ‘процветать’, ‘удовлетворять’; *ra* ‘помогающий, способствующий’, возможно, и *ravī* ‘солнце’ [8]. Думается, что и эти значения были производными, если принять во внимание значения генетически более далеких заимствованных лексем *радуй*, *радиус* с архисемой ‘луч’, подтверждающейся греческим и латинским материалом. Возможно, мы имеем дело с комплексом вторичных, позитивно маркированных значений, сформировавшихся на основе представлений о прямом, открытом, а следовательно, правильном, правом. Типология формирования таких значений, как и противоположных, является языковой закономерностью.

Семы радости, роста, помощи потенциально сохраняются в семеме генетически родственного современного предлога *ради* ‘из-за’; ‘для’; ‘с целью’; ‘по причине’. По своему происхождению представляет общеславянскую форму локатива (местного падежа) утраченного существительного с основой на *-ī, следы которого можно отыскать в составе устойчивого *С какой ради?*, являющегося диалектным вариантом разговорного *С какой радости?*

‘зачем, почему, по какой причине’ [9, с. 552]. В соответствии со своим происхождением застывшая форма *ради* первоначально была не предлогом, а послелогом, о чем свидетельствуют сохранившиеся устойчивые *Христа ради* или *милости ради*.

Семантика производной формы была синкретичной, причинно-целевой. Очень показательно, что в семантике послелога причина не отделялась от цели. «Причина – идеальный род, в состав которого входят повод, условие, начало и прочие виды проявлений причинности, включая и основополагающий вид «пространство». Причинное *для* от *д,лати* и пространственное *дья* от *дълити* одинаково дали современное *для* (ср. латинскую параллель в слове *causa* ‘для’ и *causa* ‘дело’)). «Как причина исходит из начала, определяясь истоком дела, так и цель находится в конце движения, но уже никак не связана с началом. Цели добиваются в активном действии» [10, с. 652]. Верно, но внутренняя форма глагола *добиться* (добить себя) актуализирует вопрос о ценности цели.

В *ради* семантика сформировалась иначе. Неразделенность причины и цели в *ради* передает идею побуждения к действию или состоянию, которое, будучи конечной целью, возвращает к началу причины. Здесь отражается характерное для архаичного мировосприятия представление о всеобщей взаимосвязи, одним из проявлений которого является генетическое единство корней в словах *начало* и *конец*. Кроме того, действие или состояние, выражаемое рассматриваемым корнем, тоже показательно: не только *рад* ‘об испытываемом кем-либо желании, готовности, согласии сделать что-либо’, но и *радеть* ‘заботиться о ком-, чем-либо, проявлять усердие, старание по отношению к чему-либо’; диал. *радитъ* ‘заботиться’; ‘желать добра’; ‘советовать’ [7, с. 93].

Таким образом, путь семантического развития корня *рад-* мог быть таким: от обозначения состояния оживления, внутреннего согласия с внешним миром, формирующегося на базе исходных представлений о прямом, правильном (*радость*), к обозначению готовности проявить усердие, заботу (*рад*), затем к обозначению самого действия заботы, добра (*радеть*) и наконец к обозначению чувства удовлетворения, ощущения полноты жизни (*радость*). Причинно-целевой предлог *ради* воплощает смысл этой замкнутой цепи.

Семантическая реконструкция корня, выявление его этимологических связей объясняет приведенные в начале статьи концептуальные особенности: необязательность проявленной причины, альтруистичность, духовную составляющую, значимость в христианских дискурсах и т.д. Древнерусское приветствие *Радуися* [5, ст. 13] является хорошей иллюстрацией регулятивной и волюнтаривной функций языка. Это очевидно при изучении психологии эмоций. Радость придает жизни ее самый сокровенный смысл и наполняет человека чувством полного удовлетворения жизнью. Радость не присуща разуму, скорее мудрости – уму, наполненному любовью. Радость базируется на открытости, доверии к жизни и свободе выбора не столько действия, обеспечивающего выживание, сколько подлинного чувства. «Признавая радость весьма желательным состоянием, а установку на самоуважение – позитивной, мы должны также не упускать из виду, что и того, и другого нелегко достигнуть» [11, с. 275]. Современное общество гедонистично, однако погоня за удовольствием, не добавляет радости. Человек часто отождествляет себя со своей деятельностью, а не со своей сутью. «Такой подход – весьма типичное проявление нарциссической культуры, в которой видимость и зримый образ гораздо более важны, нежели реальная действительность. В нарциссической культуре успех, как представляется многим, дарует человеку самоуважение, но это происходит только потому, что всякое достижение накачивает и раздувает эго соответствующего индивида» [11, с. 40]. Отвергая подлинное чувство радости как нерациональное, строя взаимоотношения с миром по принципу стимул – реакция, нарциссический индивид лишает себя источника энергии, не принимая во внимание, что энергия жизни не есть энергия действовать. Это очевидно даже на уровне слова: *нарцисс* родственно *наркоз* с этимологическим значением ‘паралич’.

А значит, житейский ответ на философский вопрос: *С какой радости?* – может быть и таким: *Радости ради*.

Литература

- 1 Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
- 2 Пеньковский, А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка / А. Б. Пеньковский // Логический анализ языка : Культурные концепты / редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1991. – С.148-155.
- 3 Апресян, Ю. Д. *Радоваться, ликовать, торжествовать 2* / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд. ; под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. – С. 912-915.
- 4 Дьячкова, Н. А. Концепт «радость» в православном дискурсе / Н. А. Дьячкова // VERBUM : язык, текст, словарь : сб. науч. тр., посвящ. юбилею Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 165 – 179.
- 5 Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Т. 3. – Ч. 1. – М. : Книга, 1989. – 910 с.
- 6 Колесов, В. В. Древняя Русь : наследие в слове : в 5 кн. / В. В. Колесов. – Кн. 3 : Бытие и быт. – Спб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с.
- 7 Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд. – Т. 2 : Панцирь – Ящур. – М. : Русский язык, 1999. – 560 с.
- 8 Кочергина, В. А. Учебник санскрита : учебник для высших учебных заведений / В. А. Кочергина. – М. : Филология, 1994. – 336 с.
- 9 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общей ред. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
- 10 Колесов, В. В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. В. Колесов. – Спб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
- 11 Лоуэн, А. Радость / А. Лоуэн ; пер. с англ. Е. Г. Гендель. – Минск : Попурри, 2009. – 496 с.

УДК 821.161.3–31*Мележ:811.161.3'371

А. М. Чарнышова

Стылістычная характарыстыка моўных адзінак са значэннем візуальнага кантакту на матэрыяле трылогіі І.Мележа “Палеская хроніка”

У артыкуле разглядаецца стылістычная характарыстыка моўных адзінак са значэннем візуальнага кантакту ў раманах трылогіі І.Мележа. У залежнасці ад стылістычнай афарбоўкі выдзяляюцца дзве групы намінацыйных адзінак са значэннем візуальнага кантакту: нейтральныя словы і словы з эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкай. Стылістычная размежаванасць адзінак са значэннем візуальнага кантакту дае магчымасць вызначыць неабходнасць ужывання эмацыянальна-экспрэсіўнай лексікі для выражэння невербальнай камунікацыі ў мастацкім тэксце. Адзначаецца асноўная функцыя выкарыстання нейтральных лексем і слоў з эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкай са значэннем візуальнага кантакту.

Візуальны кантакт – адзін з асноўных кампанентаў невербальных зносін разам з мімікай і жэстамі. Візуальны кантакт уключае частату і працягласць абмену поглядамі, а таксама тое, як людзі глядзяць адзін аднаму ў вочы. Чалавек часцей і даўжэй глядзіць на таго, хто яму падабаецца.

Погляд азначае не толькі зацікаўленасць, але і засяроджанасць на тэме размовы, прычым значна лягчэй падтрымліваць візуальны кантакт, калі тэма прыемная. Устрыманне ад прамога візуальнага кантакту з’яўляецца праявай ветлівасці і разумення эмацыянальнага стану партнёра па зносінах, а настойлівы погляд – прыкмета варожасці, ўмяшанне ў асабістыя перажыванні. Неабходна ўлічваць, што пра чалавека, які глядзіць суразмоўцу ў вочы, ствараецца прыемнае ўражанне, але пільны погляд перашкаджае засяродзіцца, выклікае